

Зимнее солнце роняло в лощину с высоты пустых небес лучи, достаточно яркие, чтобы губы сами собой растянулись в улыбке, и достаточно холодные, чтобы сковать легкие и заставить путника раскашляться, выпуская изо рта клубы белого пара, которые медленно таяли в воздухе, — весна была уже не за горами.

Дорога, бегущая по лощине, вела к крохотной, окруженной чернотесом деревушке полосы Фронттира, в которой было менее двухсот домов — с учетом ранчо и солнечных ферм, рассеянных по равнине. Крыши деревянных и пластиковых зданий были присыпаны снегом. До сих пор лед не растаял и в узких проулках, казалось никогда не видевших дневного света. Облик людей в этом селении, кутававшихся в тяжелые меха так, что их можно было по ошибке принять за животных, отличался суровостью. Единственное стремление — выжить! — ожесточало черты взрослых и детей, превращая лица жителей в каменные маски.

С востока на запад текла неширокая река, рассекавшая центр города на две части. В ее чистых водах отражался добротный мост, а еще — молчаливая процессия, бредущая по нему на тот берег.

Мост переходили десять мужчин и две женщины. Одна, с рассыпанными по плечам седыми волосами, всхлипывала, утирая слезы рукавом потрепанного пальто. Другая — судя по виду, ей было далеко за сорок — поддерживала страдальцу. Наверное, они были добрые соседки. И хотя эта пара задавала настроение всей процессии, женское горе как будто не затронуло мужчин.

Впереди выступал старик в балахоне, густо исписанном магическими формулами и всевозможными странными символами, с лицом, перекошенным от ужаса. Страх искажал черты и прочих мужчин, хотя шестеро из них, несомненно, страдали и физически — от боли, причиняемой им тяжелой, жуткой, давящей на плечи ношей.

Дубовым гробом.

Однако больше всего смущала намотанная вокруг гроба толстая цепь, словно люди всеми силами старались не допустить того, чтобы упокоившийся в гробу выбрался наружу. Глухой лязг цепи казался эхом отчаяния тех, кто тащил дубовый ящик.

Посередине моста, перед настилом, выступавшим вперед на ярд с обеих сторон, группа людей остановилась. Настил образовывал здесь небольшой каменный пятачок над рекой.

Старик-предводитель воздел указующий перст.

Шаркая ногами, носильщики сгруппировались у перил.

Коренастый мужчина рядом со старейшиной, поежившись, потянулся к оружию на поясе — стальным колям около полутора футов длиной, их было как минимум шесть штук. Другой рукой крепко стиснул рукоять молотка, прикрепленного к ремню с противоположной стороны. Старомодный пороховой револьвер в кобуре не был удостоен и взгляда.

Испустив вопль, полный боли и тоски, одна из женщин рванулась к гробу, но ее тут же удержали соседка и мужчины.

— Уймись! — рявкнул старик.

Женщина спрятала лицо в ладонях. Если бы не поддержка окружающих, она, несомненно, просто рухнула бы без чувств.

Кинув бесстрастный взгляд на тяжелый гроб, старейшина поднял правую руку и затянул печальную речь, подобающую церемонии:

— Сегодня я здесь, и сердце мое преисполнено скорби. Джина Болан — возлюбленная дочь Секи Болана, житель номер восемь тысяч девять деревни Тепеш в Седьмом секторе Западного Фронгира, — пала жертвой презренного аристократа и отошла прошлой ночью в мир иной...

Тут лица мужчин, подпирающих гроб плечами, побледнели, но старик сделал вид, что ничего не заметил.

Носильщики то и дело оглядывались по сторонам, бросая тревожные взоры на спокойную поверхность реки.

Однако ничего не было видно. Ничего хоть сколько-нибудь необычного.

Внезапно в гробу что-то шевельнулось. Нет, не кто-то. Именно что-то.

Мужчины потянулись к ящику.

«Дзинь, дзинь», — пропела цепь.

Людские лица стали белее полотна.

Старик окликнул человека с кольями.

— Опускайте! Опускайте немедленно! — судорожно вскрикнул тот, шагнув к носильщикам.

Однако его не послушались: тела и души людей оцепенели от страха. Носильщики впервые участвовали в такой церемонии, и то, что ныне происходило в гробу, представлялось им чем-то неестественным. Помилуйте, ведь на дворе сиял день!

Увидев, в каком все состоянии, мужчина ударил молотком по колу так, что сталь весело зазвенела, и от души гаркнул:

— Ставьте гроб на перила!

Что и было тотчас сделано.

Какие бы чары ни помutilи разум носильщиков, заклятие спало, и гроб, который чуть не опрокинулся в воду, надежно уперся в широкий поручень моста. Трое мужчин поддерживали ящик с другой стороны.

Что-то странное, сводящее с ума происходило на мосту этим ясным предвесенним днем.

Вооруженный мужчина подался вперед и приставил острие кола к крышке гроба.

На его лице, словно высеченном из гранита, отразились страх и нетерпение. Секунда летела за секундой, подтачивая уверенность, приобретенную опытом многолетней подобной работы.

Шевеление в гробу не прекращалось. В дубовом ящике шуршало, его заметно потряхивало, как будто бы то, что было заперто внутри, пробудилось и колотилось там теперь, не имея ни малейшего представления о своем нынешнем, весьма затруднительном положении.

Мужчина занес молоток.

Внезапно мощные удары посыпались на крышку изнутри — удары, от которых задрожал не только гроб, но и придерживавшие его люди.

Старик что-то крикнул.

Свистнул молоток.

Вопли и треск слились воедино.

Кол вонзился в крышку в тот самый миг, когда бледная рука, пробив толстую дубовую доску, заскребла воздух скрюченными пальцами. Рука принадлежала... ребенку!

Мгновение — и она устремилась к шее человека, который в полном оцепенении сжимал молоток.

— Гроб... бросайте... проклятый гроб!

Только мужчина произнес эти слова, как из его горла хлынула кровь.

Не сам приказ, но ужас от увиденного пробудил сознание носильщиков. Поднапрягшись, они перевалили дубовый ящик через перила. Гроб рухнул в воду вместе с мертвецом, подняв фонтан брызг, от которых зарябила речная гладь.

Ящик был достаточно тяжел, поэтому быстро погрузился в пепельно-серые воды. Алые пузыри — кровь утонувшего вместе с гробом — поднимались на подернутую зыбью поверхность, а спокойный зимний свет, окутывающий мост глухим ватным одеялом, не померк. Лишь женские всхлипы свидетельствовали о только что разыгравшейся страшной трагедии.

* * *

Пожухшие травинки никли под тяжестью снега и, чувствуя, как дрожит земля под грузной поступью приближающихся путников, пытались сбросить с себя непосильную ношу. В конце концов скоро наступит и их последний час.

Маршировало трое — и каждый выглядел суровым, как камень, и крепким, словно бычок самого Марса. Косматые меховые плащи не скрывали бугров накачанных мышц. Мужчинам было лет по двадцать, и даже несомненный вожак, самый высокий из них, едва ли разменял третий десяток. Эти молодые люди входили в деревенскую Дружину юнцов.

Дышали они тяжело, потому что взбирались на гору уже девять часов, и, судя по выражениям их лиц, целью маленького отряда был отнюдь не пикник. Лица парней окаменели от горестных мыслей, разочарования и гнева; казалось даже, что мужчины вот-вот расплачутся. Молодые люди тщетно пытались загнать в недра души рвущийся наружу черный ужас, бурлящий, точно кипящая смола. Шедшие за предводителем совсем запыхались, отчасти потому, что за спиной каждого из парней покачивался деревянный ящик с оружием, но в основном из-за особенностей покатога на вид склона, по которому они совершали восхождение.

Странное это было место.

Холм, в диаметре у подножия примерно миля с четвертью и футов шестьдесят высотой, выглядел совершенно обычным и с земли, и с воздуха, но тот, кто пытался подняться туда, сразу замечал, что дорога к вершине занимает много часов — вне зависимости от скорости передвижения.

На самой вершине чернели развалины.

Туда-то и направлялись члены дружины. Казалось, до цели их путешествия осталось менее шестидесяти футов, но это впечатление было обманчивым: подобно миражам, которые можно увидеть в пустынных районах Фронтيرا, вершина лишь дразнила людей, старавшихся добраться до нее, насмехаясь над любым, рискнувшим принять вызов.

Расстояние не сокращалось.

Ноги исправно топтали склон, тело подтверждало, что пройдено уже немало, однако руины так и не становились ближе.

Если довериться рассказам тех, кому довелось столкнуться с данным феноменом, человеку в хорошей физической форме требовалось полчаса, чтобы подняться на три фута. Итого десять часов до вершины — что весьма утомительно, даже если шагать по равнине. Здесь же дело обстояло много хуже, поскольку склон по мере движения становился все круче, а путешествие — все изнурительнее. Так что неудивительно, что за последние три года никто даже и не пытался взобраться сюда.

Идущий первым мужчина — Хейг, предводитель дружины, — озирает западный горизонт, не замечая усталости товарищей. Еще два часа, и солнце сядет, скроется за лесом и за далекой цепью серебристых пиков. Значит, по стандартному времени Фронтيرا сейчас около трех часов пополудни.

Хейг, как и любой другой, прекрасно знал, какая судьба ждет его группу с наступлением темноты, если они не достигнут цели — не доберутся до вершины за оставшиеся сто двадцать минут.

Но хуже всего то, что, даже если парни в конце концов одолеют холм, они все равно не имеют ни малейшего понятия, где в развалинах дремлет страшная сила. В нагрудном кармане вожака лежит грубо нацарапанная карта, которую нарисовал человек, упокоившийся несколько десятилетий назад, так что неизвестно, можно ли доверять этой бумажонке или нет.

А еще и усталость... Хотя в небольшой отряд вошли самые сильные и достойные из Дружины юнцов, восхождение изматывало человека не только физически, но и психически, угнетая разум больше, чем тело. Никакие старания не приближали людей к цели, а нетерпение могло помутить сознание даже очень выносливых бойцов. Говорят, такая психологическая проверка являлась особенно эффективной защитой от незваных гостей снизу. Отсюда вопрос: останутся ли у членов дружины силы на поиски, когда и если они ступят в развалины.

Единственной ободряющей мыслью было то, что на обратном пути холм, несомненно, разожмет свои гнетущие объятия, и, если всю дорогу вниз бежать, можно оказаться у подножия меньше чем за две минуты.

Внезапно залитое потом лицо Хейга радостно засияло.

Он осознал, что дистанция между ним и вершиной наконец стала реальной, осталось менее тридцати футов. Не обращая внимания на жжение в легких, человек воскликнул:

— Мы пришли!

За спиной вожака раздалась довольные возгласы его спутников.

Еще несколько минут, и группа расположилась в развалинах — на придворной площадке. Усталость затенила лица, причудливо исказив физиономии юнцов.

— Ну-с, пора приступать. Разбирайте оружие, — приказал Хейг.

Он один остался стоять, озирая окрестности.

Парни сгрудились над деревянными ящиками.

Там нашлись пять молотков, десять остро заточенных осиновых кольев и двадцать «коктейлей Молотова» — винных бутылок, доверху наполненных тракторным топливом и заткнутых для верности промасленными тряпицами. И еще пять свертков со взрывчаткой для горных работ, каждый с собственным часовым механизмом. Вдобавок у каждого члена группы имелись длинный охотничий нож, меч и мачете.

Мужчины поделили оружие.

— План известен всем, верно? — на всякий случай уточнил Хейг. — Не знаю, можно ли доверять нашей карте, но других вариантов нет. Если кому покажется, что ему грозит опасность, пусть свистнет. Найдете его — дайте два свистка.

Парни закивали: великий план вступал в действие.

Однако движение бойцов остановил внезапный вопрос:

— Секундочку, мальчики! Где пожар, который подпалил вам задницы?

Парни дернулись, точно собаки, остановленные рывком поводка, и, схватившись за оружие, обернулись на звук.

Из дыры в единственной уцелевшей стене, точно из пещеры на свет, во двор вышла девушка. Черные, как вороново крыло, волосы ниспадали на плечи, которые укрывал короткий зимний плащ, не прячущий бедер, вероятно ледяных, но весьма привлекательных.

— Черт побери, Лина! Что привело тебя... — начал один из мужчин, но осекся, проглотив вопрос.

В глазах бойцов заметались ужас и презрение. Совсем скоро они узнают, оправдались ли их подозрения.

— Какого дьявола вы, ребята, задумали? Давайте-ка без глупостей, — предупредила девушка, глядя Хейгу прямо в глаза.

При всем желании она не могла придать своему нежному личику суровости. Оно сияло пронизательностью и обаянием расцветающей женщины. Девушка появилась на этой нелепой сцене, как хрупкий бутончик, дожидющийся весны, — бутончик, который вот-вот раскроется во всем великолепии.

— Нет, ты все-таки скажи, как очутилась здесь... — Речь Хейга текла медленнее черной патоки. Взгляд его упал на босые ступни Лины. — Ты не можешь не знать, какая пакость творится в городе. Мы перевернули все вверх дном, но так и не нашли его. Осталось лишь одно укрытие, и вот мы тут.

— А зачем же вы притащили сюда бомбы? Кольев и «коктейлей Молотова» хватило бы за глаза.

— Это тебя не касается, — презрительно отрезал Хейг. — Отвечай, какого черта ты взобралась сюда? Что-то мы не заметили тебя по пути вверх. Сколько времени ты уже торчишь здесь?

— Я только что пришла. И, к твоему сведению, пришла с другой стороны. Так что вы меня, само собой, не видели.

Мужчины переглянулись, глаза их странно поблескивали.

— В таком случае, полагаю, холм не одурачил тебя, — похоже, мы не ошиблись. Выходит, именно ты виновата в том, что происходит сейчас в городе.

— Избавь меня от идиотских обвинений. Сам знаешь, я была дома каждый раз, когда что-то случалось.

— Лучше молчи. Проклятие, вся ваша компашка выглядела подозрительно с тех пор, как это началось. Неизвестно, какие силы вы использовали за нашими спинами.

Внезапно, будто растеряв все слова, Хейг мотнул подбородком. Похотливо ухмыляясь, парни двинулись к Лине.

— Мы должны проверить тебя, сейчас же! Сперва разденем тебя догола...

— Прекрати пороть чушь! Ты хоть представляешь, во что вляпаешься, если попытаешься?!

— Ха! Это угроза? — усмехнулся один из бойцов. — Всем в городе известно про ваши с мэром шуры-муры. Если мы докажем, что ты обычная девчонка, старый козел будет счастлив, как свинья в дерьме.

— И это еще не все, — добавил другой. — После того как мы все по очереди побалуемся с тобой, тебе станет так чертовски хорошо, что ты дар речи потеряешь и не сможешь настучать на нас.

Хейг облизнулся. Эти юнцы всегда считались грубиянами и именно поэтому отлично подходили на роль защитников деревни от свирепых бродяг-бандитов и лютых зверей. Однако сейчас усталость и страх перед предстоящей работой слились в вязкую, гнусную смесь, задушившую малую толику здравого смысла, что была им дарована при рождении.

Лина не сделала попытки убежать, так что Хейг с легкостью схватил девушку за руку и привлек к себе. Сорвав с девушки плащ, дружинник принялся шарить пятерней по ее телу, одновременно впиваясь в ее рот жирными губами.

Неожиданно раздался глухой шлепок — и массивный мужчина согнулся пополам. Колено Лины молниеносно вонзилось Хейгу между ног — вожак отряда рухнул, скорчившись и онемев. Девушка же, даже не оглянувшись, исчезла в темном проеме.

— Маленькая сучка! — взвыл один из дружинников, кинувшись за ней.

Поскольку день был в разгаре, злость и похоть подавили страх громил перед развалинами.

Нелепые механизмы и мебель, захламлявшие помещение, как будто плыли во мраке, но парни неслись, не обращая на них никакого внимания. Они петляли по коридорам, украшенным скульптурами и картинами, и наконец в просторном помещении, напоминавшем зал, столкнулись с Линой.

Схваченная за плечо, девушка споткнулась и упала, но дружинники крепко вцепились в добычу, повалив ее на спину.

— Перестаньте! — крикнула девушка.

— Не ори! Сейчас мы сделаем тебе по-настоящему хорошо. Все разом!

Мужские лапищи пригвоздили к полу бледные, отчаянно мечущиеся руки, грубые губы потянулись к сладким губам...

И вдруг всех бросило в дрожь. Даже объятая ужасом Лина забыла о борьбе. Четыре тела, сплетенные в клубок, застыли, четыре пары глаз сфокусировались на одной и той же точке во тьме.

Из темных тайных глубин появилась смутная фигура, показавшаяся людям темнее мрака, заполнявшего пространство.

— Одна цивилизация уже встретила здесь свой конец, — произнес тихий, словно тронутый ржавчиной, голос. — Остановить время невозможно, но будьте добры, проявите уважение к утраченному.

Лина отползла и укрылась за спиной новоявленного персонажа, а дружинники не могли ни пальцем пошевелить, ни слова вымолвить. Животный инстинкт, отточенный всей их предыдущей жизнью, подсказал, с кем они столкнулись. Реальность намного превзошла ожидания.

Зазвучали и замерли шаги у входа в зал.

— Ч-ч-ч... что за хрень?

Неудивительно, что заговорить удалось именно некстати появившемуся на сцене предводителю отряда неудачников, хотя получилось это без всякого пафоса: голос дрожал, а зубы стучали, свидетельствуя о том, что и его полностью подавила и опрокинула жуткая призрачная аура, пребывающая выше человеческого понимания. Единственной в этот момент мыслью, занимавшей людей Хейга, была мысль о том, как бы побыстрее спуститься с холма.

— Уходите. Здесь вам не место.

Едва прозвучал приказ чужака, мужчины поднялись и начали пятиться к выходу. Лица их были обращены к темному силуэту, и не потому, что нельзя обращаться к неприятелю спиной, но из ужаса перед тем, что может произойти, если они отвернутся. Есть вещи похуже смерти — это любой понимает.

Когда дружинники покинули зал, присутствие духа, пусть и не в полной мере, вернулось к ним, ведь потолок лишённого окон коридора прорезали трещины, пропускавшие солнечный свет.

Хейг достал из кармана бутылку с «коктейлем Молотова», а один из его товарищей вытащил спички. Чиркнув серной головкой по собственной штанине, парень поднес огонек к лоскуту-затычке, а Хейг метнул зажигательную бомбу с такой силой, словно хотел подорвать собственные страхи. Меньше всего он думал сейчас о безопасности Лины.

Пылавшая бутылка, прочертив во мраке плавную дугу, приземлилась у ног чужака. Однако долгожданное двухтысячеградусное озеро пламени не разлилось. Бутылка аккуратно встала на

донце прямиком на изукрашенный замысловатой мозаикой пол. Что-то мелодично звякнуло у самого горлышка, и горящая тряпка упала на каменные плиты.

Мужчины даже не заметили серебристой молнии, расколовшей воздух.

Их охватила паника.

Отчаянно вопя, они бросились прочь по коридору, отпихивая друг друга. Дружинники не оглядывались. Страх перед сверхъестественным взорвал их рассудок, и материализация этого страха могла не заставить себя долго ждать, так что мужчины работали ногами что есть мочи, только бы подальше отсюда.

Убедившись, что шагов насильников больше не слышно, Лина вышла из-за спины незнакомца. Высунув остренький язычок, она повернулась к выходу и воспроизвела самый грубый из известных ей жестов. Девушка, вероятно, обладала удивительно мужественным характером, поскольку во взгляде ее, переместившемся с обезглавленной бутылки на мускулистого незнакомца, не было ни капли страха — одно лишь восхищение.

— Это поистине поразительно, ты... — начала она, но осеклась на полуслове.

Привыкшие к темноте глаза остановились на лице спасителя — лице совершенном, как вечная безмолвная зимняя ночь.

— В чем дело?

Приведенная в чувство звуком его голоса, Лина брякнула первое пришедшее ей на ум. Она была весьма прямолинейной девушкой.

— Ты очень красивый. Аж дух захватывает.

— Лучше иди домой. Тебе тут не место, — повторил обладатель великолепной внешности, и слова его были не столь холодны, сколь бесстрастны.

Лина уже совершенно оправилась и беззастенчиво разглядывала мужчину с головы до пят.

Ему никак не могло быть больше двадцати. Черный плащ, широкополая дорожная шляпа и элегантно изогнутый длинный меч за спиной говорили о том, что юноша отнюдь не праздный путешественник. На груди странника висел голубой медальон. Этот глубокий, бередящий душу цвет очень шел молодому человеку.

«Черта с два я уйду. Отправлюсь туда, куда пожелаю», — хотела сказать Лина, но то, что она поспешно выпалила, было прямой противоположностью тому, что девушка чувствовала на самом деле.

— Если настаиваешь, то самое меньшее, что ты можешь сделать, — это проводить меня.

Юноша, вняв неожиданной просьбе, молча направился к выходу.

— Эй, ты, погоди секунду. Торопыга какой!

Взволнованная Лина кинулась следом. Она подумывала схватить чужака за полу плаща, а то и взять за руку, но до этого не дошло. Было в молодом человеке нечто такое, что отсекало его от остального мира.

Безмолвно ступая за незнакомцем, девушка вновь оказалась во дворе.

Юноша, к большому удивлению Лины, тут же развернулся и направился к входу в развалины. Девушка даже подпрыгнула:

— Ради всего святого, можешь ты подождать минутку? Ты даже не дал мне возможности сказать тебе спасибо, оболтус!

— Иди домой, пока солнце не село. Вниз дорога обычная.

Молодой человек даже не оглянулся, но от его слов глаза Лины расширились.

— А ты откуда знаешь? И если подумать, как и когда ты очутился здесь, а? Не может быть, чтобы ты взобрался сюда по-обычному!

Юноша остановился в шаге от темного провала. По-прежнему не оборачиваясь, он произнес:

— Ты тоже, полагаю, поднялась на холм без проблем, не так ли?

— Именно так. У меня особые обстоятельства, — слишком резко и решительно ответила Лина.

— Хочешь услышать о них? Ну конечно хочешь. Как-никак, ты вскарабкался сюда, чтобы посмотреть на развалины — остатки замка аристократа.

Молодой человек ступил в проем.

— Ох, черт тебя побери! — Разозлившись, Лина топнула ногой. — Назови мне хотя бы свое имя. А не скажешь, я домой не пойду — ни до заката, ни после. И если меня растерзают монстры, моя смерть до конца дней останется на твоей совести. Кстати, я Лина Свен.

Очевидно, шантаж возымел действие, поскольку чужак, чей силуэт уже почти растворился во тьме, заполнявшей дверной проем, заговорил.

Произнес он всего одно слово: «Ди».

* * *

Позднее, уже вечером, охотник на вампиров нанес визит деревенскому мэру.

— Чем обязан...

Красота посетителя, прислонившегося к стене гостиной, лишила мэра дара речи. Заспанный глава поселения, спустившийся по лестнице в наброшенном поверх пижамы халате, забыл, что собирался сказать.

— Теперь понятно, почему наши девушки бродят как неприкаянные, точно у них души высосали. Я не могу поселить тебя в своем доме. Во-первых, у меня дочь, а во-вторых, женщины повалят сюда толпами.

— Я уже оставил лошадь и снаряжение в амбаре, — невозмутимо заметил Ди. — И теперь готов выслушать твои предложения.

— Прежде чем мы приступим, почему бы тебе не присесть? Пари держу, ты долго скакал верхом.

Ди не шелохнулся. Мэр ткнул рукой в кресло, кивнул и приказал лакею, только что подбросившему в камин дров и ожидающему дальнейших распоряжений, удалиться.

— Никогда не показывай врагу спину, а? Полагаю, не нужно доказывать, что я на твоей стороне.

— Я думал, ты уже нанял Джеслина, — произнес Ди.

Казалось, он не слышал ни слова из сказанного мэром.

Судя по виду, мэр обладал агрессивным и развязным характером, но сейчас на лице его не отразилось и тени недовольства. Частично из-за того, что молва о первоклассном охотнике, с которым ему придется иметь дело, не прошла мимо его ушей, но в основном потому, что, находясь рядом с этим молодым человеком, мэр нутром чуял в собеседнике существо из иного мира. Хотя с красотой чужака тягаться было трудно, жуткая призрачная аура, излучаемая охотником, вытягивала из человеческих душ то, что люди обычно хоронили поглубже, — страх перед тьмой.

— Джеслин мертв, — фыркнул мэр. — Он был превосходным охотником, но не сумел отыскать нашего вампира и в придачу дал себя убить восьмилетней девочке. Кроха разорвала ему горло, так что нам не пришлось беспокоиться о его возвращении, но мы заплатили ему авансом сто тысяч даласов — вот это фиаско!

— Очевидно, обстоятельства были несколько необычны.

Мэр удивленно поджал губы:

— Ты знал об этом, верно? Недаром ты дампир! Говорят, ты способен услышать свист ветра, дующего из ада, и в этом, ей-бо, что-то есть!

Ди промолчал.

Мэр вкратце рассказал гостю о трагическом происшествии на мосту, после которого минуло уже две недели, и в заключение добавил:

— И все это случилось при свете дня. Гляжу я на тебя и могу поспорить, что ты повидал куда больше, чем я за свои семьдесят лет. Но едва ли в этот длинный список входят жертвы вампиров, разгуливающие при свете дня, а?

Ди по-прежнему безмолвствовал, но его молчание уже служило ответом.

Это было элементарно невозможно. Аристократы и те, на ком они оставили свою метку, могли жить только в ночи, и это было лишь слабое подобие жизни. Мир солнечного света принадлежал человечеству.

— Думаю, ты отлично представляешь, почему я позвал тебя сюда. Поразмысли об этом. Если треклятые аристократы и их свита будут шлаться повсюду не только ночью, но и днем, что станет с миром, а?

С каждой секундой сумрак в комнате делался все гуще, а холод — все пронзительнее. Предохраняя генераторы от износа, жители Фронтира вечерами обычно пользовались лампами, заправленными животным жиром. Старик потянулся к очагу, чтобы согреться, и не отрываясь разглядывал кисти рук. В его глазах отражалось пламя огня. Ди даже не

шевелинулся, будто превратившись в статую.

«Я таки задел его», — мысленно усмехнулся глава городка. Он специально выбирал слова, которые произвели бы наибольший эффект на гостя, и речь мэра, несомненно, нанесла привлекательному полукровке серьезный удар. — «О да, наступит завтра, и все обязательно наладится».

Однако все пошло совсем не так, как ожидалось.

— Ты можешь изложить подробно, что именно произошло, с самого начала?

В голосе Ди не было ни страха, ни беспокойства, что совершенно ошарашило мэра. Значит, ужасная мысль о кровожадных аристократах, бесчинствующих днем, не задела дампиря? Постаравшись скрыть удивление, мэр заговорил осторожнее, чем обычно.

Началось все с развалин и четверых детей.

Никто не знал наверняка, как долго стояли на холме руины. Когда основатели деревни два века назад впервые ступили на эту территорию, цепкий плющ уже крепко обнимал древние камни. Отчаянные сорвиголовы, изучавшие историю минувшего и чертившие карты развалин, уже несколько раз пытались взобраться на гору, но ни разу еще это добром не кончалось. Пятьдесят лет назад сюда прибыла команда исследователей из Столицы, и они стали последними холмолазами — после их пропажи люди потеряли к руинам всякий интерес.

Десять лет назад стоял обычный зимний день, но именно тогда исчезли четверо деревенских ребят.

Дочь фермера Заркова Белана, на тот момент девочке было восемь; сынишка его приятеля Ганса Йорштерна, тоже восьмилетний; десятилетний сын учителя Николаса Мейера и восьмилетний сыночек лавочника Хариямада Шмики. Люди сперва подумали, что это работа искажающих пространство тварей, но впоследствии оказалось, что детей видели в день исчезновения играющими на склоне холма. А потом они пропали, и это заставило общину приглядеться к руинам повнимательнее.

Впервые за пятьдесят лет был сформирован отряд, тщательно обыскавший развалины, однако никаких следов детей обнаружить не удалось. Хуже того, к концу недели члены команды начали быстро исчезать один за другим, и поиски были свернуты, прежде чем группа исследовала все тропы и погруженные во мрак подземные пещеры обширного древнего замкового комплекса.

Убитым горем родителям сообщили, что их чада, видимо, были захвачены проезжими работоторговцами или же искажителями измерений. Но какая бы судьба ни ожидала малышей, оба случая были утешительнее мысли о том, что дети потерялись в развалинах вампирского особняка.

Однажды вечером, спустя примерно две недели после инцидента, трагические события пришли к финалу. Жена мельника, собиравшая грибы в ближайшем лесу, заметила спускающихся с холма людей и завопила так, что переполошила всю деревню.

Дети вернулись.

Их появление стало безусловным поводом для радости, но одновременно и источником для новых страхов.

— Сначала вернулись только трое. — Голос пожилого мэра стал так тонок, что его почти заглушало потрескивание дров в камине. — Таджил, сын лавочника Шмики, так и не объявился. Нам до сих пор неизвестно, что с ним стало. Его отец и мать умерли от горя, что вовсе не удивительно. Не хочу сказать, что мы не обрадовались остальным, но если бы он не был единственным...

— Вы исследовали детей? — спросил Ди, озиравший входную дверь и готовый к внезапному вторжению любого врага.

У охотников, как ни странно, много недоброжелателей, порой из своих же рядов, и злоба их зачастую направлена на самых известных и достойных.

Веки Ди были полуопущены. Мэру внезапно почудилось, что красавец-юнец общается сквозь стену с ночным ветром.

— Естественно, — ответил старик. — Гипноз, промывающие сознание снадобья, метод психосвидетельства — мы испробовали все, что только могли придумать. К несчастью, мы прибегли и к некоторым старым способам. Клянусь, те детские крики до сих пор вторгаются в мои сны... Но все без толку. Их разум оказался чист — воспоминания о времени, на протяжении которого они отсутствовали, просто стерты из их памяти. Возможно, тут постарались внешние силы, или же подсознание ребят таким образом уберегло их от безумия. Если последнее, то можно сказать, что в случае с парнем Йорштерна результат оказался не совсем тот, на который рассчитывали, — Квор по сю пору не в себе. Что произошло тогда в развалинах замка и что увидели дети, по-прежнему загадка. Спасибо и на том, что никто из них не вернулся с поцелуем аристократа на шее, Квору не повезло, но двое других благополучно выросли — и деревня приобрела отличного учителя и наиспособнейшую ученицу.

Завершив рассказ, мэр наконец позволил себе расслабиться. Подойдя к буфету у стены, он достал бутылку местного виноградного вина, пару бокалов и вернулся к гостю.

— Выпить не желаешь?

Старик протянул охотнику кубок, но его рука застыла на полпути. Мэр вспомнил, что обычно потребляют дампирь.

Словно в подтверждение неприятной мысли, Ди тихо ответил:

— Я не прикасаюсь к спиртному. — Взгляд охотника вонзился в первозданную тьму за окном.

— Сколько было жертв и при каких обстоятельствах совершались нападения?

— Жертв пока четыре. Всегда в окрестностях города. Всегда ночью. Потерпевшие ликвидированы.

На этом месте голос мэра сорвался. Видимо, неприятные воспоминания о «ликвидации» всколыхнули его чувства, поскольку рука с бокалом задрожала. В конце концов, не каждой жертве дается шанс превратиться в вампира, перед тем как встретить неизбежный конец.

— Находить пропавших детей и уничтожать их — грязная работенка, тем паче когда весна так близко.

Дзинь! Мэр резко поставил на стол стальной кубок. Жидкость выплеснулась, намочив ладонь и рукав старика.

— Таджил, сын Шмики, тут наверняка ни при чем. Возможно, к нам проник один из оставшихся аристократов или забрела жертва вампира из соседней деревни. Я хочу, чтобы ты рассмотрел обе эти возможности.

— Думаешь, существуют аристократы, способные передвигаться при дневном свете?

Рот мэра захлопнулся сам собой. Именно этот вопрос он задавал Ди чуть раньше! Внезапно недоуменный взгляд мэра метнулся к поясу охотника. Хотя звук был едва слышен, старик мог бы поклясться, что только что прошелестел странный смешок.

— Завтра мне понадобится вся имеющаяся у вас информация: при каких обстоятельствах совершались нападения, каково последующее состояние жертв и как вы с ними расправились, — небрежно и бесстрастно заметил Ди, будто его совершенно не заботила предстоящая работа. Очевидно, охотник на вампиров не ведал страха и не опасался встречи с противником, какого еще не видел мир, — демоном, гуляющим при дневном свете. С ужасом, совершенно отличным от ужаса перед аристократами, старик-мэр уставился на удивительно прекрасное лицо молодого человека. — Также я хотел бы повидать всех троих выживших. Если они живут далеко, то мне понадобится карта.

— Карта не понадобится, — проворковал женский голос.

Дверь приоткрылась, явив мужчинам улыбающееся личико, подобное едва распустившемуся цветку.

Глаза, в которых сияло любопытство, не отрывались от Ди.

— Нисколько не удивлен, верно? Спорю, ты все это время знал, что я стою тут и подслушиваю. Я расскажу все, что тебе нужно знать. Лукас Мейер преподает в школе, завтра он будет там. После занятий я отведу тебя к Квору. Ну а третью долго искать не придется. Вот мы снова и встретились, Ди.

Дитя фермера Белана, а ныне — приемная дочь мэра, сделала реверанс, слегка поклонившись Ди.

* * *

— Так, говоришь, ты уверен, что все в порядке? — спросила на следующее утро по дороге в школу Лина, управляя парой гнедых, запряженных в повозку.

— Что в порядке?

— Ну, эта поездка с утра пораньше. Дампиры не любят солнца, ведь в них течет кровь аристократов.

— Пикантных сплетен наслушалась? — пробормотал Ди, глядя поверх спин шестиногих лошадей-мутантов.

Если бы рядом оказался телепат, он уловил бы в неприветливо замкнутом, но вполне человеческом сознании юноши насмешку.

Дампиры наследовали характерные черты обоих родителей — и человека и вампира, но физиологические особенности предков проявлялись в полукровках в разной мере.

Люди спят ночью и бодрствуют днем, аристократы же — наоборот. Когда гены разных рас вступали в противоречие, доминирующими обычно оказывались физиологические черты родителя-вампира. Тело дампиря жаждет дневного отдыха и ночной деятельности.

Однако как левша может научиться одинаково свободно пользоваться обеими руками — дело лишь в каждодневной практике! — точно так же и дампирь способен подчиниться человеческим генам и жить, как все смертные. И хотя подобные особи обладают лишь половиной силы, зрения, слуха и прочих физиологических качеств истинного вампира, главным их преимуществом является приспособляемость. Пятидесяти вампирских процентов достаточно, чтобы никто из людей не мог надеяться даже потягаться с ними, а драться с аристократами дампирь способен что днем, что ночью.

Впрочем, хотя они действительно в состоянии подавить фундаментальные биологические позывы, нельзя отрицать, что работа при свете дня сильно ухудшает состояние дампиров. Их биоритмы резко идут на спад после полудня, к полуночи достигая зенита. Прямые солнечные лучи обжигают кожу полукровок, так что даже легкий ветерок причиняет им страшную боль — словно в каждую клетку тела втыкают иголки. В некоторых случаях на теле вздуваются волдыри, точно при ожоге третьей степени.

Спад биоритмов влечет за собой усталость, тошноту, жажду и полное истощение. Разве что один из десятка дам пиров способен выдержать бешеную атаку солнца, не испытывая подобных мучений.

— Да, похоже, проблем у тебя нет. Как неинтересно. — Лина поджала губки и вдруг быстро натянула поводья.

Лошади заржали, а тормозная планка, свешивающаяся со дна повозки, воткнулась в землю.

— В чем дело? — без малейшего удивления поинтересовался Ди.

Лина вытянула пальчик, показывая:

— Да опять эти психи. И Квор с ними. И вчера было худо, а сейчас-то они что затеяли?

Шагах в тридцати от коляски семеро парней, обойдя старый валун, свернули за угол. С тремя из них — среди которых был, конечно, и Хейг — Лина и Ди столкнулись вчера в развалинах.

Впереди, подталкиваемый и подпихиваемый остальными, шагал юноша-великан, лет семнадцати-восемнадцати, — больше шести футов ростом и весом около двух сотен фунтов. Глаза его были пусты, он послушно тащился по ползущей под уклон тропе, подгоняемый парнями, недотягивающими ему и до плеча.

— Отлично. Мы как раз собирались повидаться с ним. Что там внизу?

— Остатки фермы по разведению пикси. Она уже много лет как заброшена, но, по слухам, там все еще опасно, — ответила Лина. — Думаешь, мерзавцы ведут Квора туда?

— Отправляйся в школу.

Последнее слово еще не достигло ушей Лины, а Ди, в темном ореоле развевающегося плаща, уже шагал к тропе.

Стоило ему обогнуть угол стены, показались здания фермы. Впрочем, «здания» — не слишком

подходящее слово. Похоже, владелец забрал весь хоть сколько-нибудь полезный хлам, вплоть до пластиковых стропил, оставив лишь несколько покосившихся, дырявых хибар, готовых каждую секунду рухнуть. Зимнее солнце выбелило пустой участок, окруженный голыми, покрытыми серовой коростой последнего снега деревьями.

Парни скользнули в одну из более-менее сохранившихся развалюх. Они, кажется, были абсолютно уверены в том, что сюда никто больше не явится, поскольку так ни разу и не оглянулись.

Прошло секунд тридцать.

Внутри здания закричали. Громко закричали. Очень громко. Испугавшись чего-то, люди обычно кричат, но эти звуки были совершенно ужасны. С ветвей растущих возле дома деревьев посыпался снег. Раздался грохот, точно разбилось вдребезги что-то огромное.

Через секунду после этого Ди шагнул в здание.

Крики оборвались.

Глаза охотника чуть покраснели. Густой аромат крови хлынул в трепещущие ноздри.

Люди, все до единого, лежали на каменном полу, конвульсивно подергиваясь в алой луже. Кроме нескольких железных клеток, выстроившихся вдоль одной из стен и напоминавших о прошлом пиксиводческой фермы, обширное пространство наполняли лишь запах крови и мучительные стоны. Что бы ни случилось за полминуты, прошедшие с того момента, как парни вместе с Квором вошли внутрь, работа была проделана быстро и качественно. Здесь явно неистовствовала потусторонняя сила.

Внимание Ди привлекли две вещи.

Во-первых, массивное туловище Квора, распростертое перед клетками. Во-вторых, зияющая дыра в каменной стене. Сквозь гигантское, футов шесть диаметром, отверстие с зазубренными краями на грязный пол падал солнечный свет. Что бы или кто бы ни утопил людей в море их собственной крови, оно или он удалился именно этим путем.

Даже не взглянув на прочих парней, Ди подошел к Квору. Не без изящества присев на корточки, охотник спросил:

— Меня зовут Ди. Что произошло?

Мутные голубые глаза болезненно медленно сфокусировались на Ди. Омут безумия стоял в них. Правая рука парня чуть приподнялась, указав на свежую дыру в стене. Ссохшиеся губы выдавили:

— Кровь...

— Что?

— Кровь... не я...

Возможно, Квор пытался переложить на кого-то вину за кровопролитие.

Левая рука Ди коснулась потного лба юноши.

Веки Квора сомкнулись.

— Что ты видел в замке? — Ди остался совершенно безучастен к недавней бойне. Он даже не спросил, кто устроил эту кровавую баню.

Однако сумеет ли ладонь Ди вытянуть правду из сознания помешанного?

Рыхлое лицо психа как будто отвердело и вдруг показалось волевым и решительным.

Адамово яблоко парня качнулось, точно маятник; горло готовилось к речи.

— Что ты видел? — повторил Ди. В это время его правая рука потянулась к мечу за плечом. Охотник обернулся.

Полумертвые мужчины поднимались на ноги.

— Одержимые?

Взгляд Ди скользнул по полу. Длинные тени, тянущиеся от сапог раненых, принадлежали не людям. Черные силуэты напоминали гусениц, а гротескно тоненькие ручки и ножки совершенно не соответствовали туловищу. Это были тени пикси!

Один из злобных пикси, содержащихся здесь, должно быть, сбежал и все это время прятался на ферме. В отличие от множества искусственно созданных тварей, привнесенных в мир аристократами, большинство видов пикси были исключительно доброжелательны. Однако некоторые модификации, жестокие и необузданные, созданные на основе генома гоблинов, поука и бесов из древней Ирландии докатастрофной эпохи, беспрестанно терроризировали народ Фронтира. Поука-красноколпачники, например, отрубали путникам головы топорами, растущими у них вместо рук, а потом красили кровью жертв «шапочки», давшие название виду. Некоторые из этих существ обладали способностью управлять полумертвыми людьми, однако при должном обращении они могли вспахать на диких носорогах огромные участки земли, умели понудить хохлаток Грихмма нести не одно урановое яйцо в три дня, а три яйца в один день. Принимая во внимание сказанное, некоторые вконец обнищавшие деревни Фронтира добровольно шли на риск, разводя пикси.

Людей, залитых кровью, пребывающих в бессознательном состоянии, «оживила» особь, принадлежащая к одному из самых свирепых видов.

Тени держали в руках секиры.

Оружие медленно поднялось.

Мужчины вскинули руки над головами.

Несуществующие топоры рубанули пространство там, где только что находилась голова Ди, — охотник отскочил, прижимая к себе Квора.

Марионетки теней механическими шагами двинулись за ними.

Невидимый клинок, проломив крышу железной клетки, врезался в стену. Один из мужчин, потеряв равновесие, упал лицом вниз — и в ярде от него брызнули искры.

Это был бой за контроль над тенями.

Подобно струе серебристого света, меч выплеснулся из-за спины Ди и метнулся вперед, к бесплотной секире, занесенной одержимым человеком.

Сталь не зазвенела о сталь, но щеку охотника обдал ветер, и тут же что-то воткнулось в стену. Оружие врага было не только невидимым — его не существовало вовсе. Тем не менее оно несло смерть.

Три удара с разных сторон последовали одновременно, клинки столкнулись, но Ди и Квор взлетели над фонтаном искр.

Две ослепительные молнии вонзились в пол.

Парни застыли, стиснув запястья. Бах, бах, бах — глухо падало на пол что-то тяжелое. На самом деле мужчины роняли свое оружие.

Убирая в ножны длинный меч-«бастард», Ди шагнул к одному из рухнувших в кровь парней.

Опустившись на колено рядом с раненым, Ди спросил:

— Ты слышишь меня?

Едва лицо Ди отразилось в мутнеющих глазах упавшего, веки человека широко распахнулись. Это был не кто иной, как Хейг.

— Грязный ублюдок!.. Что ты наделал?..

Тонкий жалобный голос, совершенно не соответствующий грубой физиономии, оборвался — Хейг заметил кое-что.

Пришпиленная к каменному полу двумя застывшими вертикально иглами тень, прилипшая к ногам Хейга, быстро исчезала из виду. Странно, что это творилось не только с дважды пронзенным силуэтом. Тени других парней также извивались и корчились в муках нестерпимой боли. И движения их были абсолютно синхронны!

Требовалось, наверное, поразительное мастерство, чтобы на лету метнуть иглы и поразить тень, пригвоздив ее в кисть и сердце, но едва ли кто-то вроде Хейга мог осознать всю степень ловкости, необходимую для продемонстрированного Ди фокуса. Потому что, как ни удивительно, иглы, вошедшие в каменный пол, были деревянными.

Вскоре рваные силуэты пропали, уступив место обычным, человеческим теням.

— Мне больно... Черт, как больно! Скорее позови доктора... пожалуйста...

— Когда ответишь на мой вопрос! — Тон Ди наводил на мысли о ледяной глыбе. Что ж, ему ведь приходится общаться с парнями, пытавшимися недавно изнасиловать невинную девушку. — Что случилось после того, как вы привели сюда Квора?

— Не знаю... Мы думали, дело в одном из них... хотели взять их поодиночке, потрепать немного, проверить... а потом...

Свет в глазах Хейга стремительно угасал.

— И что потом?

— Что б тебя, откуда мне знать?.. Приведи доктора... быстрее... Мы пришли сюда, окружили его... а потом — кровавая пелена... будто что-то пряталось там...

Последнее слово Хейга растворилось в хриплом выдохе. Он не умер, просто потерял сознание, как и все остальные. Тонкие струйки свежей крови сочились из ушей, рта и носа пострадавших людей, но никаких внешних признаков повреждений не наблюдалось.

Ди обернулся.

В дверях, покачиваясь, нетвердо стоял Квор, а снаружи, издалека, гремели, приближаясь, копыта. Вероятно, Лина или кто-то из деревенских, увидев Квора в сопровождении Дружины юнцов, вызвал представителей закона. Очевидно, тактика запугивания, к которой прибегали эти молодые люди, выходила далеко за рамки отведенных им ролей.

Ди посмотрел на Квора — и быстро повернулся к пробитой в стене дыре.

— В чем дело? Передумал его допрашивать? Ты никогда не докопаешься до сути всего этого дерьма, если боишься отдавить шерифу мозоль, — хмыкнул странный голос из ниоткуда.

Впрочем, голос этот ничуть не раздосадовал Ди. Охотник и его черный плащ растаяли в лучах утреннего солнца.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/1792146>